

Считаю документальную, очерковую прозу одним из важнейших достояний «Огней Кузбасса». Она обогащает знаниями об окружающем мире, знакомит с такими людьми, о существовании которых порой не подозреваешь. Таким для меня, например, стал герой очерка Людмилы Ивановой «Владимир Шабалин: жизнь как подвиг». Со знанием дела рассказала о чемпионе мира по высшему пилотажу Владимире Мартемьянове Ирина Вербицкая («Рыцарь пятого океана»). Колоритны воспоминания Александра Шураева («Отчий дом на Орловской земле»). Вспоминая о поэте («Геннадий Юров. Каким я его знал») и не избегая при этом критических штрихов, Владимир Сухацкий высказал попутно ряд актуальных мыслей о краеведении, об историческом освещении города Кемерово.

Статья Сергея Валентиновича Распутина «Замысел или умысел?», присланная из Иркутской области, полна негодования против тех деляческих проектов, которые кое-кто из литераторов начал строить на имени Валентина Распутина, как только он ушёл из жизни.

«Записки шахтёра» Трофима Шалакина – настоящие народные мемуары, эпически и трагически рисующие советское бытие в течение нескольких эпох.

«Венгерский диптих» калужца Виктора Боченкова (буду помечать географию лишь некузбасских авторов) впечатляет той личной проникновенностью, с которой он описывает на музейном фоне жизнь писателя Мора Йокаи и художника Тивадара Чонтвари.

Очень компетентно, со взвешенным историческим анализом написал москвич Станислав Зотов очерк «Революция русского народа. Сто лет Февральской революции».

Не лишено любопытности историческое исследование петербуржца Николая Коняева «Кочевые империи» (о скифах), но очень уж оно компилятивно, и Геродота там, пожалуй, больше, чем Коняева...

Из всех рассказов, неплохих в своей массе, выделю несколько. «Ошибка отца Паисия», написанная киевлянином Владимиром Каденко, интересна тем, что относится к жанру исторической художественной прозы, редкому гостю журнала. Правда, при всей гротескности сюжета в нём чего-то не хватает – наверное, тонкой психологической прописанности, и он скорее похож на длинно поведанный исторический анекдот (при всей очевидности того, что девушка – это девушка, её все же решили числить мужским полом).

Марина Струкова живёт в Тамбовской области и пишет незаурядные стихи, которые публиковались и в «Огнях Кузбасса». Но на сей раз она выступила с рассказами, объединёнными фантастичностью образов. Своеобразие её прозы в том, что жуткие чудовища оказываются на стороне, так сказать, простого

народа и сурово судят отрицательных персонажей из мира денег и власти.

Цикл рассказов Евгении Борисовой вполне отвечает специфике «женской прозы» с её акцентом на отношения мужчин и женщин.

В рассказах армейской тематики суровая обыденность жизни защитников Отечества порой завязана на такие крутые обстоятельства, что интрига держит читателя в напряжении до самой развязки. С этими рассказами вышли на страницы «Огней» Михаил Казаков, Владимир Шумилов, Сергей Черемнов (бывший кемеровчанин, живущий ныне в г. Владимире). Своё видение Великой Отечественной войны через характер героя выразила Людмила Танкова («Последний день его войны»). Она увидела и лёгкость отношения к жизни (шутки-прибаутки), и твёрдость духа.

Очень гармонично написан рассказ Марины Черноскутовой «Металлолом». В нём удачно задействована жаргонная лексика. Этот рассказ социально заострён.

А «Ностальгия» Бориса Дюкина? Хочется и его упомянуть. Он про любовь. И тоже берёт за душу...

В общем, есть рассказы хорошие и очень хорошие. Но встретился и неудачный: «Колосок» Никиты Контукова (г. Подольск). Он сделан как бы из вторсырья, из расхожих фольклорных образов...

В «большой прозе» фейком мне представляется повесть Сергея Подгорнова «Ну – будем!». Она основана на ложной технике разбавления действия диалогами на самые посторонние темы. Слишком много описательности, хотя и весьма остроумной, и слишком много разговоров, нужных, вероятно, лишь для того, чтобы создать объём.

«Живая душа» иркутянина Владимира Максимова может понравиться не каждому читателю, так как не имеет классического сюжета. Но вчитаешься – и увидишь много трогательного, забавного, драматического и прочего, прочего, как в самой жизни...

«Срыв» Романа Сенчина, живущего сейчас в Екатеринбурге, обстоятельно рисует экзистенцию москвича, поглощённого сексуальными интересами и пришедшего в отчаяние от того, что женщина его отвергла. Большой смысл!

Повесть Веры Лавриной «Сестра» – о родной сестре, погибшей в автокатастрофе. В обрисовке героини широко используются тексты реальных писем, фрагменты дневников, эпизоды семейной хроники – в общем, вполне будничные элементы. Тем не менее в этой прозе чувствуется поэтическое дыхание, приходившее, по признанию В. Лавриной, «из мистических глубин души».

Повесть «Замри!» Татьяны Ильдимировой – воспоминание о детстве, несколько новелл из жизни девочке-подростков, бытийные ощущения которых переданы удивительно тонко.

Интересен опубликованный фрагмент романа о. Дионисия (Злобина) «На реках вавилонских». Тема многообещающая. Да и кому об этом писать, как не священнослужителю, владеющему и церковными реалиями, и старославянским языком. С исторической и художественной точки зрения самой сложной проблемой было описание встречи Сталина с высшими иерархами Русской православной церкви. Эта встреча и вошла главой в публикацию журнала. Она описана с элементами юмора и передачей бытовой атмосферы в окружении митрополита, ставшего Патриархом.

Могло бы показаться, что в таком духе написан и весь, довольно толстый, роман. Однако, когда он вышел отдельным изданием, выяснилось, что это не так. Как бы забыв о главной линии, автор окунает читателя в романтическое прошлое главного героя Метревели-Томищева, представляющее собой отдельную, да и неинтересную книгу, хотя и насыщенную страстями и дуэлями. А завершается повествование мешаниной биографических (о Метревели-Томищеве) и политических сведений уже послесталинского периода. И всё – роман провалился.

Немного остановлюсь на поэзии, на подборке стихов Владимира Каганова.

У него какой-то корявенький стиль. Трудно понять, почему он применяет отглагольные рифмы. То ли от недостатка мастерства, то ли это сознательный примитивистский приём, то ли это идёт от князя Мышкина, сидящего в его душе. В целом же мне как раз нравится интеллектуальный романтизм, отличающий его от всех других поэтов Кузбасса (и не только Кузбасса). Его элегии несут остроту переживания, боль за уходящую из мира духовность. В его стихах конфликтуют самая передовая современность и ностальгическая старина. Но одно стихотворение, которое называется «Путь в Грааль», несколько удивило. Сначала заголовком, потом таким словосочетанием «туда вдаль». А потом...

*Лишь душа неустанно летит туда вдаль,
Зову музыки тайной по-детски послушна.
Может быть, где-то есть заповедный Грааль,
Где-то есть... уповает она простодушно.*

Вот летит она, летит, простодушная... И не ведает, что Святой Грааль – вовсе не заповедная местность, а чаша, из которой Христос пил вино на Тайной вечере...

Евгений ЧИРИКОВ

